

И.К.Шереметьев

Латинская Америка: у порога новой парадигмы?

Поводом для написания этой работы явилось появление на страницах журнала ЭКЛАК¹ статьи выдающегося ученого-экономиста и социолога, бывшего Исполнительного секретаря ЭКЛАК и президента Межамериканского банка развития (МАБР) Энрике Иглесиаса. Хотя с момента публикации прошло немало времени, статья не утратила ни актуальности, ни научной значимости. В материале, озаглавленном «Роль государства в экономических парадигмах Латинской Америки», автор подверг критическому анализу две модели экономического развития, через которые прошли латиноамериканские страны во второй половине XX в.

Статья представляет большой интерес с точки зрения **выбора** стратегии развития, **поиска** оптимальной формулы конструктивного, эффективного взаимодействия частного бизнеса, государства и общества. Интересны размышления Э.Иглесиаса о причинах неудач в деле решения проблем экономического и социального развития стран региона и о возможности появления новой парадигмы, которая отвечала бы реалиям сегодняшнего дня, потребностям современного латиноамериканского общества.

Ключевые слова: экономическая парадигма, кризис, рыночная экономика, государство, общество, консенсус, интеграция, десарролизм, госкапитализм.

ПОЧЕМУ «РОЖДЕННАЯ В МУКАХ ТВОРЧЕСТВА» ПАРАДИГМА ЭКЛАК НЕ УВЕНЧАЛАСЬ УСПЕХОМ?

В самом начале своей статьи Э.Иглесиас напоминает читателю о том, что экономическая парадигма ЭКЛАК, сформулированная еще в 60-е годы прошлого столетия (когда этой комиссией руководил всемирно известный ученый-исследователь Рауль Пребиш), появилась не сразу и не вдруг. Этому предшествовала огромная работа по изучению особенностей национальных экономик латиноамериканских стран в контексте мирового экономического развития, по выяснению причин их отстающего развития и неравноправного положения в системе отношений центр — периферия.

Игорь Константинович Шереметьев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН.

«Поиск экономических парадигм, — пишет Иглесиас, — велся в регионе постоянно с середины прошлого века. Немногие регионы могут похвастаться столь жаркими дискуссиями и столь разнообразными исследованиями по данной проблематике, как Латинская Америка. Наш регион представлял собой подлинную лабораторию идей и рекомендаций по экономической политике, возникавших под влиянием разных теорий и идеологий, часто привносимых из других частей мира»². В итоге этого напряженного поиска и родилась парадигма ЭКЛАК, которой придерживались многие латиноамериканские страны на протяжении почти четверти века.

Это была модель многоцелевая, направленная на преодоление аграрно-сырьевой специализации латиноамериканских стран в системе мирохозяйственных связей, на укрепление их экономической самостоятельности, на становление своей собственной промышленности, ориентированной на внутренний рынок и обслуживание национальных нужд. По словам Иглесиаса, это была «гетерогенная» модель, поскольку она вобрала в себя элементы опыта других зарубежных стран, относившихся как к лагерю социализма, так и к «третьему миру». Отличительной чертой модели являлось то обстоятельство, что в ней ключевая роль отводилась государству, «обращавшему» такими новыми институтами развития и управления хозяйственной деятельностью, как специализированные министерства и ведомства, планирующие органы, корпорации развития, задачей которых являлась мобилизация финансовых ресурсов и технологий. Был разработан и целый арсенал специфических средств и методов поддержки национальных предприятий, создававшихся в приоритетных отраслях промышленности: меры по защите внутренних рынков от иностранной конкуренции, налоговые льготы, облегченный доступ к банковскому кредиту, организационно-техническое содействие национальному частному предпринимательству. Принесла ли выдвинутая ЭКЛАК десарролистская парадигма положительные результаты в плане решения насущных социально-экономических проблем латиноамериканских стран? Вот что говорится по этому вопросу в аналитической работе российских ученых-латиноамериканистов «Латиноамериканский опыт модернизации. Итоги реформ первого поколения»: «60—70-е годы стали периодом максимальной отдачи от стратегии государственно-капиталистического регулирования и импортзамещающей индустриализации. Несмотря на современную критическую оценку этого периода, следует признать, что он дал определенные результаты в плане модернизации хозяйственной структуры региона, расширения промышленного сектора и развития сферы социальных услуг (наука, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т.п.)»³.

Почему же столь тщательно разработанная, «рожденная в муках творчества» парадигма так и не увенчалась успехом? Почему она не привела к созданию жизнестойкой, конкурентоспособной промышленности наподобие той, которую удалось создать некоторым азиатским странам («азиатским тиграм»), хотя последние в принципе руководствовались во многом схожей с латиноамериканской стратегией развития? Ответ на этот вопрос Иглесиас усматривает в том, что государство в азиатских странах традиционно пользовалось большей автономией, чем в Латинской Америке; оно управлялось бюрократией, привыкшей действовать самостоятельно, не поддаваясь влиянию частных интересов. В латиноамериканских странах

ситуация была иной: государство здесь постоянно подвергалось давлению частных интересов, причем в одних случаях это были интересы политических партий и их отдельных фракций, в других — интересы мощных экономических групп и военных лидеров, в третьих — интересы предводителей-каудильо или завладевших властью диктаторов, стремившихся укрепить свое политическое господство и экономическую базу с помощью государства. Все это превращало последнее в своего рода «кормушку» для управленческой элиты, способствовало распространению клиентелизма в вопросах занятости и подбора кадров, вело к разгулу коррупции и нецелевому использованию бюджетных средств.

Переломным моментом в развитии латиноамериканских стран стали 80-е годы прошлого столетия. Известные события той поры (долговой кризис, вскоре переросший в кризис экономический, явления деиндустриализации, рост безработицы в промышленности, отлив «лишней» рабочей силы в деревню, гиперинфляция и тому подобные негативные явления) поставили под вопрос эффективность парадигмы ЭКЛАК, побудили усомниться в ее способности справиться с навалившимися на страны региона проблемами и в конечном счете привели к замене этой «гетерогенной» модели моделью «ортодоксальной» — неолиберальной, антиэтатистской, прорыночной.

Была развернута кампания нападок на государство. Последнее стало рассматриваться как помеха развитию рыночной экономики с присущей ей «свободной игрой рыночных сил», как преграда рациональному (оптимальному) распределению финансовых и других ресурсов между отраслями и секторами национальной экономики, как «рассадник» бюрократизма, коррупции, клиентелизма. И наоборот, стала всячески превозноситься «раскрепощенная» от государственного вмешательства рыночная экономика, открытая для внешних «игроков» — ТНК и ТНБ. Была выдвинута формула «больше рынка, меньше государства», которой отвечала политика демонтажа созданных ранее институтов развития, переход к системе свободного ценообразования, уравнивание в правах национального и иностранного капитала, политика свертывания госсектора посредством широкомасштабной приватизации его активов и т.д.

КРИЗИС «ОРТОДОКСАЛЬНОЙ» МОДЕЛИ «ВАШИНГТОНСКОГО КОНСЕНСУСА»

Однако и этой «ортодоксальной» парадигме, патронируемой, по словам Иглесиаса, «Вашингтонским консенсусом» и международными финансовыми организациями, не суждено было стать «путеводной звездой» для стран Латинской Америки на долгие годы. Парадигма работала на экономический рост латиноамериканских стран до тех пор, пока этому благоприятствовали внешние экономические условия — конъюнктура мировых рынков сырья, интенсивный прилив в страны региона финансовых ресурсов извне (порой не столько в виде прямых капиталовложений, сколько в форме подвижных портфельных и спекулятивных инвестиций), поступление денежных переводов от огромной массы латиноамериканских эмигрантов, выезжающих на заработки в США и другие экономически развитые государства. Как только внешняя экономическая конъюнктура ухуд-

шалась, на первый план выступали пороки и уязвимые стороны навязанной латиноамериканским странам «модной» парадигмы.

Надо сказать о том, что в критическую оценку парадигмы «Вашингтонского консенсуса» большой вклад внесли и российские ученые-исследователи. Так, в вышеупомянутой работе «Латиноамериканский опыт модернизации» было показано, на каких именно «ведущих игроков» свободной рыночной экономики ориентировалась новая «чудо-модель», обеспечила ли она латиноамериканским странам решение таких жизненно важных для них задач, как «эффективная трансформация производства при соблюдении социальной справедливости, заложила ли она основы для их устойчивого экономического роста или, наоборот, сделала их экономику более уязвимой по отношению к внешним финансово-экономическим шокам.

Приведем некоторые выводы и оценки авторов названной публикации. Так, по поводу смены «ведущих игроков» при новой неолиберальной парадигме они заявляют следующее: «Государство, которое в последние десятилетия во многих странах играло роль не только гаранта протекционистской защиты внутренних рынков, но и сильного партнера в отношениях с ТНК, быстро утрачивает прежние позиции... Новые предпринимательские структуры региона формировались под влиянием трех основных процессов: приватизации, транснационализации и растущей концентрации производства и активов... Во многом такого рода изменения были связаны с тем, что приватизация, теоретически призванная ускорить процесс дерегулирования в экономике, фактически усилила концентрацию производства и торговли в руках крупных, и прежде всего транснациональных, корпораций». В подтверждение этого вывода в книге приводятся следующие красноречивые данные: среди 500 крупнейших компаний региона число иностранных филиалов выросло со 149 до 230, а их доля в совокупном объеме продаж поднялась с 27,4 до 43%, а в экспорте — с 30 до 45%⁴.

А вот как обстояло дело с экономическим ростом латиноамериканских стран, с темпами их развития при той же неолиберальной парадигме. «В 90-е годы Латинская Америка сумела преодолеть последствия застоя 80-х годов. Если за 1981—1990 гг. годовой прирост ВВП составлял 1,1%, то в 1991—2001 гг. он увеличился до 3,0%, а в предкризисные 1994 и 1997 гг. достигал даже 5,2%. Но средние темпы по-прежнему намного уступали периоду 1950—1980 гг. (5,5%). В результате региональный продукт оказался на 54% меньше, чем мог быть при сохранении прежних тенденций...

К тому же рост экономики не отличался стабильностью, и за десятилетие регион пережил два спада: мексиканско-аргентинский в 1995 г., когда общерегиональный прирост ВВП составил 1,1%, и южноамериканский в 1999 г., когда прирост был едва отличен от нуля. Второй спад, спровоцированный кризисами на финансовых рынках, оказался самым большим за все десятилетие: в девяти странах, включая Аргентину, Венесуэлу, Колумбию и даже благополучную Чили, наблюдалось сокращение ВВП, а в Бразилии и еще трех странах прирост не превышал отметки в 1%. И в последующие два года положение в экономике латиноамериканских стран продолжало оставаться неустойчивым...»⁵.

В период эйфории, царившей в правящих кругах многих латиноамериканских стран по поводу первых успехов неолиберальных реформ в этом регионе, в актив прорыночной, ортодоксальной парадигмы заносился на-

чавшийся здесь процесс модернизации производства, носителями которого являлись новые «игроки» свободного рынка — транснациональные корпорации и банки индустриальных государств мира. Считалось, что этот процесс благоприятно влияет на рынки труда латиноамериканских стран, способствует повышению занятости трудоспособного населения, росту заработной платы и производительности труда. Но так ли было на самом деле?

Анализ феномена модернизации при ведущей, направляющей роли ТНК говорит об обратном. Инициированная и «подстегиваемая» иностранными компаниями модернизация носила очаговый и избирательный характер, что отражалось и на эволюции рынков труда в странах региона, и на распределении занятости между отраслями и секторами национальной экономики равно как и на формах этой занятости. Реформы в духе «Вашингтонского консенсуса» совершенно не учитывали возможное воздействие преобразований на проблему занятости, хотя и предполагали перестройку рынков труда. Например, либерализация внутреннего рынка и, по крайней мере, временное замещение национальных товаров импортными определенно сокращали местное их производство и, соответственно, занятость. В том же направлении действовал и выбор крупных предпринимателей (прежде всего зарубежных) в пользу широкого импорта капиталоемких технологий, естественно, снижавших спрос на неквалифицированный труд в странах Латинской Америки. Двойное действие на занятость оказывала приватизация: с одной стороны, государство перестало быть крупным работодателем, с другой стороны, новые владельцы предприятий в интересах повышения эффективности их работы не останавливались перед сокращением персонала. Либерализация самого рынка труда, повышая мобильность рабочей силы и гипотетически способствуя выравниванию положения в формальном и неформальном секторах экономики, на деле увеличивает риск открытой безработицы, снижения оплаты труда постоянного персонала предприятий, равно как и опасность частичной ликвидации социальных гарантий для нетрудоспособных.

За 90-е годы радикального улучшения положения с занятостью не произошло. Эксперты ЭКЛАК объясняют это, в частности, последствиями демографической ситуации недавнего прошлого. В большинстве стран региона уже произошел «демографический переход», и темпы естественного прироста населения сократились, но продолжает сказываться «демографический ресурс» — в трудовой возраст вливается многочисленное пополнение. Кроме того, в условиях продолжающегося падения доходов большинства семей большая часть женщин и подростков вынуждена выходить на рынок труда в поисках заработка.

Характерной чертой и особенностью хозяйственной структуры стран Латинской Америки всегда было наличие в ней так называемого неформального сектора — «сектора выживания» для беднейших слоев общества. Как на него повлияла неолиберальная модель, способствовала ли она его сокращению? Ответ российских исследователей в этом отношении однозначен: «Неолиберальные преобразования ни в малейшей мере не способствовали ликвидации неформального сектора, а в некоторых аспектах косвенно подталкивали его дальнейший рост. Прежде всего это было связано с хроническим дефицитом новых рабочих мест в формальном секторе. Например, в прошедшем десятилетии в достаточно благополучной Мексике

ежегодно создавалось в среднем 500 тыс. рабочих мест, в то время как численность экономически активного населения в тот же период увеличивалась на 1300 тыс. человек. Соответственно год от года дефицит рабочих мест возрастал на 800 тыс. Одна из причин состояла в том, что на крупнейшие предприятия-экспортеры и «макиладорас» в 1993—1999 гг. приходилось всего около 5% занятых в стране, и они просто не могли создать необходимое число дополнительных рабочих мест, да и не были в этом заинтересованы по соображениям сохранения конкурентоспособности»⁶.

Загнанные в «прокрустово ложе» неолиберальной трансформации, экономически оккупированные и подмятые под себя гигантами транснационального бизнеса латиноамериканские страны так и не смогли решить центральную задачу — выбраться на путь устойчивого развития, преодоления укоренившихся экономических и социальных недугов. Больше того, вовлеченная рыночными реформами 90-х годов прошлого столетия в водоворот глобализации экономика стран региона стала чрезвычайно уязвимой по отношению к внешним финансово-экономическим потрясениям, возросла степень ее зависимости от состояния мировых товарных и финансовых рынков.

Подводя итоги развития региона в 90-е годы минувшего столетия, бывший исполнительный секретарь ЭКЛАК Х.А.Окампо образно назвал их «десятилетием света и тени». Но напрашивается и другое их определение, особенно если иметь в виду социальные последствия действия неолиберальной парадигмы, — «десятилетие накопления предпосылок большого социального взрыва», приведшего, как известно, к «левому повороту» в регионе, к смене политических режимов на более восприимчивые к нуждам и запросам общества в своих странах.

В КАКОЙ НОВОЙ ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ НУЖДАЮТСЯ СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ?

Вернемся, однако, к актуальному вопросу, поставленному Иглесиасом в его вышеупомянутой статье: возможно ли появление в Латинской Америке новой экономической парадигмы — парадигмы начала нынешнего XXI в., которая бы адекватно отражала реалии сегодняшнего дня, учитывала уроки прошлого и отвечала национальным интересам и запросам латиноамериканского общества? И, если да, то какими могут быть ее основные параметры, какую роль при этом должно играть «возрожденное из пепла» государство, как должны строиться его отношения с обществом, с одной стороны, и рыночной экономикой — с другой?

Будучи противником догматизма в теории развития и сторонником институционализма, Иглесиас не страдает ностальгией по прошлому, не призывает к повторению пройденного. Что для него важно, так это уметь извлекать уроки из исторического опыта, не повторять допускаявшихся ошибок при выборе стратегий развития и их реализации на практике. Не менее важно и другое — умение заглянуть в будущее («перспективное видение»), предвидеть возможные результаты и последствия применения той или иной парадигмы развития, предлагаемой стране, обществу.

Одной из главных причин несостоятельности двух парадигм развития, которые испытали на себе латиноамериканские страны во второй половине прошлого века, по мнению Иглесиаса, является кризис государства как ин-

ститута развития, причем в первом случае (при «гетерогенной» модели ЭКЛАК) это явилось следствием «эрозии» государства, пагубного влияния на него узкогрупповых эгоистических частных интересов (о чем говорилось выше), в другом (при «ортодоксальной», неолиберальной модели) — результатом дискредитации и развала государства как института развития.

К чему же сводятся предложения Иглесиаса относительно новой роли государства в социально-экономическом развитии стран Латинской Америки, каким должно быть это государство и какие условия необходимы, чтобы оградить его от влияния эгоистических частных интересов? Прежде всего Иглесиас очерчивает круг тех проблем и задач экономического и социально-политического характера, успешное решение которых, по его мнению, невозможно без активного участия государства.

Одной из таких проблем является проблема обеспечения эффективного функционирования рынка, совершенствования рыночных отношений. В этом отношении важно создать условия для беспрепятственного действия механизма свободной конкуренции и ценообразования, исключить монополизацию рынка. Ссылаясь на опыт приватизации в латиноамериканских странах, Иглесиас говорит, что она часто приводила к замене государственной монополии частной со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Устранить возможность монополизации рынка, нарушающую его нормальное функционирование, может и должно только государство.

Другая проблема — проблема соотношения рынка и государства разграничения сфер деятельности между государством и частнопредпринимательским сектором. Иглесиас отвергает формулу, которая противопоставляет рынок государству («больше рынка, меньше государства»), равно как и другую, противопоставляющую государство рынку («больше государства, меньше рынка»). Их следует заменить на формулу «больше рынка, больше государства, больше общества».

Чтобы рынок эффективно функционировал в экономическом и социальном отношении, государство должно активно вмешиваться в одни сферы, «где это необходимо, и не залезать в другие, где без него можно обойтись». При этом, подчеркивает Иглесиас, вмешательство государства должно быть взвешенным, хорошо обдуманным, «интеллигентным». К сферам преимущественного вмешательства государства должна относиться «сфера технологий»: стимулирование научно-технического прогресса, образование, подготовка квалифицированных кадров, содействие внедрению в производство технологических инноваций. Но при этом нельзя впадать в «технизм», абсолютизировать значение технологий, полагать, что они сами по себе способны решать весь комплекс проблем развития. Только в сочетании с политикой развития, ориентированной на национальные интересы, на интересы общества, научно-технический прогресс, применение новейших технологий в производстве могут принести желательные плоды. Еще одной приоритетной сферой деятельности государства является социальная. На плечи государства прежде всего ложится забота о наиболее уязвимых, малоимущих слоях населения посредством создания эффективно действующих институтов их финансовой и материальной поддержки, адаптации к условиям рыночной экономики. Только так можно обеспечить решение проблемы снижения бедности и маргинализации больших масс населения.

Новые идеи, но не идеологические догмы должны лежать в основе формирования действенной социально-экономической парадигмы для латиноамериканских стран в нынешнем веке. Исходя из такой позиции, Иглесиас большое значение придает проблеме достижения политической стабильности как в отдельных странах, так и во всем латиноамериканском регионе, рассматривая ее как важное условие успешного претворения в жизнь новой парадигмы. В этой связи одной из приоритетных функций государства должна стать его инициатива в организации национальных консенсусов с участием государства, частного бизнеса, профсоюзов и гражданского общества, которые в нынешних сложных условиях региона могут оказаться очень «полезными, а то и необходимыми». Особого внимания со стороны государства заслуживает создание общественных советов по вопросам экономического и социального развития.

Следует иметь в виду, подчеркивает Иглесиас, «что не может быть сильного, дееспособного государства без сильного, сплоченного гражданского общества, как и наоборот, не может быть сильного гражданского общества без поддержки сильного, энергично действующего государства. Но при этом не следует смешивать объем с силой, «сало с мускулами», как часто говорил Пребиш. Развитие требует больше государства, больше рынка, больше гражданского общества, но при их определенном взаимодействии, позволяющем сосуществовать и взаимно усиливать потенциал каждой из сторон. Такое взаимодействие надо всячески укреплять, создавая механизмы участия гражданского общества в выполнении функций государства»⁷.

При этом он снова подчеркивает одну из основных своих мыслей, навеянных историческим прошлым латиноамериканских стран, — очень важно избегать политизации государственного административного аппарата, ибо это влечет за собой клиентелизм, влияние «приятельских отношений» на характер деятельности государства.

Ключевая роль должна принадлежать государству в разработке политики участия латиноамериканских стран в международных отношениях, в процессах глобализации, но при консультациях и сотрудничестве с частным сектором. В мире, который становится все более сложным, в котором доминируют «силы глобализации» и стремительно развиваются информационные технологии и коммуникации, необходимы анализ и постоянное наблюдение за основными тенденциями развития в области экономики, общества и международных отношений. Чтобы противостоять вызовам и использовать возможности, возникающие в ходе изменчивого процесса глобализации, нужно устранить допускаявшиеся ранее ошибки в недооценке значения анализа долгосрочных перспектив развития, в прогнозировании будущего. «Мы должны устранить допускаявшиеся в прошлом ошибки, такие, как игнорирование анализа долгосрочных перспектив развития. И это должно стать важной целью государства. Мы не призываем к централизованному планированию деятельности государства в этой области, но мы ратуем за способность государства предвидеть долгосрочные тенденции развития, которые должны учитываться при разработке стратегий развития»⁸.

Автор статьи не обходит вниманием и проблемы региональной экономической интеграции в Латинской Америке. «Интеграция, — пишет Иглесиас, — процесс сложный и динамичный, который продвигается вперед путем преодоления конфликтов адаптации к нему экономических, полити-

ческих и социальных структур стран-участниц. Всего этого трудно добиться без ведущей роли государства и его институтов..., способных эффективно преодолевать проблемы адаптации к этому процессу»⁹.

Любопытно отметить, что придавая большое значение политике конвергенции и компромиссов и в экономической, и в социально-политической сферах, Иглесиас в заключительной части статьи обращает внимание на две латиноамериканские страны, которые, используя такую политику, больше всего преуспели в решении стоящих перед ними проблем. Это Чили и Бразилия. Последним, по его мнению, удалось найти баланс интересов между различными слоями общества, между государством и частным сектором, совместить технологический прогресс с прогрессом социальным.

P.S. Обратим еще раз внимание читателя на то, что статья Иглесиаса была написана в 2006 г., когда ничто не предвещало мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося немного позже, когда внешне-экономические условия благоприятствовали экономическому росту латиноамериканских стран, а участие в глобализации сулило больше выгод, чем потерь. Ситуация однако, резко изменилась в самое последнее время, чего, естественно, не мог предвидеть автор статьи. Значительно понизились темпы роста стран всего региона, включая Чили и Бразилию, сократился приток финансовых ресурсов извне, ухудшилась конъюнктура на мировых рынках сырьевых товаров, «похудели» бюджеты латиноамериканских стран, а следовательно, и сократились возможности решения хозяйственных задач и социальных проблем, вновь усилилась инфляция, наиболее болезненно сказывающаяся на положении бедной части общества. И в этом отношении Чили и Бразилия не исключение.

Да, мастерский критический анализ двух парадигм развития, которые испытали на себе страны Латинской Америки во второй половине XX в., его трактовка причин кризиса государства как основного института развития в той и другой экономической парадигме, его постановка вопроса о необходимости поиска новой модели развития для стран этого региона с учетом уроков исторического прошлого и реалий нынешней обстановки в мире и в самой Латинской Америке — все это делает честь автору статьи, имеет, как принято говорить, большое научно-познавательное, да и прикладное значение.

Однако, как нам представляется, в комментируемой статье есть определенные пробелы и неясности, «недоговоренности» в постановке проблем развития стран этого региона. Не все уроки прошлого (и настоящего) в ней приняты в расчет. Что же выпадает из поля зрения Иглесиаса?

Прежде всего, это проблема восстановления (или укрепления) национального суверенитета в экономической сфере вообще, в области защиты природных ресурсов, в частности. В условиях экономической экспансии ТНК, захвата последними ключевых отраслей хозяйства, оттеснения на второй план национального частного капитала вряд ли возможно в полной мере использовать природные ресурсы как важную основу и источник развития национальных экономик. Без активных ограничительных мер со стороны государства здесь не обойтись.

«Оккупации» подверглась и финансовая, кредитно-банковская сфера латиноамериканских стран. Львиную долю доходов, приходящихся на эту

сферу, присваивают транснациональные банки, действующие таким образом в ущерб интересам национального экономического развития. И в этой сфере напрашивается политика противостояния банкам-«глобалистам», политика укрепления позиций и поддержки банков (корпораций) содействия развитию национальных частных предприятий, мелких и средних, в частности, роль которых в решении проблемы занятости населения хорошо известна.

Латинская Америка неоднородна. Здесь ныне существуют весьма различные политические режимы — леворадикальные, умеренные центристские, либерально-демократические. Учитывая это обстоятельство, Иглесиас предлагает правительствам (государству) латиноамериканских стран взять на вооружение политику конвергенции и широких компромиссов на разных уровнях — как на страновом, так и на общерегиональном. Эта его идея, как представляется, конструктивная и полезная. Но насколько удастся ее реализовать на деле, пока судить трудно, да и преждевременно.

На тенденции экономического и политического развития стран Латинской Америки, по всей вероятности, немалое влияние окажет нынешний мировой кризис. Он станет испытанием на прочность существующих здесь политических режимов и «подскажет» им, в каком направлении следует вести поиск новых парадигм развития.

Подводя итог сказанному, надо подчеркнуть следующее: ни одна латиноамериканская страна, где у власти стоят левые, включая и наиболее радикально настроенных, не заявляла о намерении «покончить» с «несправедливой» рыночной экономикой. Не кто иной, как лидер Венесуэлы Уго Чавес еще в 1999 г. выдвинул формулу «Столько государства, сколько необходимо, и столько рынка, сколько возможно»¹¹. Получила хождение и другая, близкая по смыслу: «Рынок в рамках государства»¹².

В действительности речь идет о возможности возвращения к известной эклакской концепции десаррольизма, к подновленной модели госкапитализма. О такой перспективе говорят и российские ученые.

«Симптомы разворота к «государственному интервенционизму», — пишет, например, видный латиноамериканист Л.С.Окунева, — заставляют задуматься о возможности возрождения в современных условиях Латинской Америки альтернативной неолиберализму модели госкапитализма с ее многочисленными ограничениями в отношении иностранного капитала и патерналистской политикой в отношении капитала национального — модели, которая в 60-е годы прошлого столетия неплохо «привилась» на латиноамериканской почве, способствовала решению ряда задач «догоняющего развития», в том числе в социальной сфере. Исторически, по своему генезису, госкапитализм был связан с борьбой латиноамериканских стран за экономическую самостоятельность, за суверенитет над природными ресурсами, за ускоренное развитие национального частного капитала в перспективных отраслях хозяйства. При этом характерно, что вмешательство государства в экономику усиливалось как в обстановке революционного подъема 70-х годов, так и в условиях буржуазно-реформистского движения «Союза ради прогресса»¹³.

Такого же мнения относительно возможности возрождения госкапиталистической модели развития в странах Латинской Америки придерживается директор Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук В.М.Давыдов. Он пишет, что по существу «речь идет о национально ориентированном развитии, на службу которому должны быть поставлены ресурсы государства (своего рода «левый неodesarrollismo»). Особенно четко подобного рода «неodesarrollismo» воплощен в модели, реализуемой в Аргентине, где наблюдаются отрицание крайностей рыночного фундаментализма и энергичное госрегулирование производственной и экспортной деятельности с использованием механизмов стимулирования... подчинение финансовых потоков правительственному контролю, возвращение к государственному участию в тех сферах экономики, где приватизация периода неолиберальных экспериментов оказалась экономически и социально контрпродуктивной»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ E.Iglesias. El papel del Estado y los paradigmas económicos en América Latina. — Revista de la CEPAL-90. Santiago de Chile, Diciembre 2006.

² Ibid., p. 8.

³ А.В.Бобровников, В.А.Теперман, И.К.Шереметьев. Латиноамериканский опыт модернизации. Итоги экономических реформ первого поколения. М., 2002, с. 12.

⁴ Там же, с. 152, 161.

⁵ Там же, с. 116—117.

⁶ Там же, с. 205.

⁷ Revista de la CEPAL, p. 13.

⁸ Ibid., p. 13—14.

⁹ Ibid., p. 13.

¹⁰ Ibid., p. 15.

¹¹ См.: Э.С.Дабьян. Столько государств, сколько необходимо, и столько рынка, сколько возможно. — Латинская Америка, 2005, № 11, с. 26.

¹² N.Cunill Grau. El mercado en el estado. — Nueva sociedad. Caracas, 2009, N 221, p. 34.

¹³ Л.С.Окунев. Бразилия: особенности демократического проекта. М., 2008, с. 752.

¹⁴ См.: В.М.Давыдов. Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона. — Латинская Америка, 2007, № 7, с. 21.